“Ты, должно быть, сумасшедшая”.

“Ха…”

“Ты предаешь семью, которая кормила тебя, одевала и растила? Ты думаешь, моя семья позволила бы предательнице жить?”

Я поспешно вытерла слезы и посмотрела на Шейна.

“Ты накормил меня, одел и вырастил… да, если ты называешь это одолжением, то мое письмо тебе было способом отплатить за это одолжение, и тебе лучше не игнорировать мое предупреждение”.

Несмотря на мой искренний совет, Шейн ухмыльнулся мне, затем сказал тихим голосом: “Порка - это лекарство[1] для собаки, которая не узнает своего хозяина. То, что ты из семьи Людвигов, не означает, что я не могу натянуть твой поводок".

[1] Это корейская идиома. Это означает, что порка наиболее эффективна для непослушного ребенка.

Затем он ушел.

Только когда он ушел, мое сердце начало страшно биться, потому что очень старые воспоминания об Эдит пришли ко мне с опозданием.

“Прости, отец! Прости!”

“Ты глупая сука, я столько раз учил тебя, а ты не можешь этого сделать!”

“Ах! Я ошиблась, я ошиблась!”

Я вспомнила, как граф Ригельхофф бил меня по щекам, голове, спине и предплечьям… нет, везде, куда могли дотянуться его руки и ноги.

Я не знаю, почему он так поступил со своей собственной дочерью.

Но юная Эдит не посмела взбунтоваться, не посмела убежать.

Когда ей некому было помочь, она могла двигаться только как марионетка своего отца.

‘Эдит, должно быть, была в отчаянии… от того, что Киллиан женился на ней’.

Вот почему она так сильно хотела Киллиана, хотя и не могла устоять перед приказом Ригельхоффса добыть информацию о семье Людвиг.

У меня запылали глаза.

Несмотря на наши различия, я могла понять чувства Эдит.

Так вот почему я овладела ею, а не кем-то другим?

Как бы сильно я ни хотела спасти свою собственную жизнь, я не хочу позволить Эдит умереть жалкой смертью.

Я глубоко вздохнула и взяла себя в руки.

‘Ха, я так опаздываю. Если я опоздаю сильнее, меня заподозрят’.

Я поспешно достала из сумки носовой платок и вытерла слезы.

В зеркале я видела, что моя щека покраснела от пощечины Шейна, но я подумала, что могу выдать это за небольшой солнечный ожог.

Я несколько раз потренировалась улыбаться, так как уголки моего рта продолжали опускаться, а затем повернулась к углу здания.

Именно тогда я встретилась взглядом с Киллианом.

“Я искал тебя некоторое время. Где ты была?”

“О… особняк красивый, поэтому я подумала, что посмотрю, на что это похоже здесь...”

“В тебе много любопытства”.

Склонив голову и прикрыв щеку, по которой Шейн ударил меня моими волосами, я спросила нарочито веселым голосом: “Ты специально искал меня?”

“Конечно, нет, я просто вышел помыть руки и нашел тебя”.

“Оу, я понимаю. Я почти разволновалась”.

“Взволнована чем-то подобным?”

Да, и сильно.

“Волнительно сознавать, что кому-то не все равно, куда ты ушла, не так ли?”

Я серьезно.

И это горько-сладко.

Заботился ли кто-нибудь о Чхве Су На после ее смерти?

Если я умру как Эдит Людвиг, кого-нибудь это будет волновать?

Следуя за теперь уже молчащим Киллианом обратно в палатку, я почувствовала легкую слабость, думая об угрозах Шейна и моем отсутствии надежды.

Но это были все плохие вещи.

“На базаре этого года все пожертвованные вещи были распроданы по высокой цене, спасибо! Мы позаботимся о том, чтобы тепло ваших сердец было доставлено в каждый приют”.

Графиня Эрмениа, организатор базара, объявила об окончании базара новостью о том, что все товары проданы.

‘А? Это значит, что кто-то купил и мои носовые платки! О, слава богу!’

Хотя мне сказали, что базар должен был гарантировать, что ни один подаренный товар не

останется непроданным, я решила поверить организатору на слово, что "все" товары продаются по "высокой" цене.

Если бы не встреча с Шейном, это был бы действительно хороший день...

***

Вернувшись с базара, граф Ригельхофф нетерпеливо снял галстук и плюхнулся на диван. Он повернулся к Шейну, который последовал за ним в кабинет, его глаза пронзительно блестели.

“Расскажи мне подробнее о том, что ты говорил ранее на базаре”.

Шейн сел напротив графа, и мгновение спустя вошла горничная София с чаем для них двоих.

Как только чашки были наполнены, Шейн сделал глоток, прежде чем заговорить.

“Эдит определенно изменилась”.

Шейн нахмурился, вспомнив Эдит, которую он встретил на базаре: “Вместо того, чтобы быть вежливой со мной, своим братом, она стала очень дерзкой”.

“Что ты имеетешь в виду, говоря, что она стала дерзкой?”

“Я бы понял, если бы ее сильно ударили по голове в особняке Людвигов, потому что она высоко держала голову и вела себя со мной так дерзко, что я сомневаюсь, была ли она вообще Эдит”.

При этих словах глаза графа Ригельхоффа сузились.

Эдит, которую с юных лет били и учили повиноваться своей семье, не осмеливалась смотреть Шейну в глаза, разве что в присутствии других.

Он не мог поверить, что Эдит подняла голову и заговорила.

Но Шейн стиснул зубы, чтобы скрыть свое истинное разочарование.

“Сначала я был милым, спросил, следили ли за ней Людвиги и что именно произошло”.

“А потом?”

“Она спросила меня, когда и от кого я получил поддельный документ, связанный с оружием, а затем сказала, что ничего не посылала, потому что она была в шатком положении в семье Людвиг”.

Позади него София, горничная, недоверчиво втянула в себя воздух.

“Я был ошеломлен, когда она сказала мне, что письмо, которое она написала тебе, было искренним и что мы не должны даже думать о борьбе с Людвигами, тогда я дал ей пощечину, сказав, как она посмела предать семью, которая ее кормила”.

“Ты хочешь сказать, что она не смогла прийти в себя даже после того, как ты дал ей пощечину?”

“Напротив, она становилась все более и более дерзкой. Знаешь что? Она сказала мне, что письмо было ее способом отплатить семье за услугу и что я не должен игнорировать ее

предупреждение. Ха!”

При этих словах граф Ригельхофф нелепо фыркнул от смеха: “Либо Эдит действительно не в своем уме, либо герцог Людвиг держит ее на более крепком поводке, чем мы”.

“Или, может быть, она думала, что теперь, когда ее нет в этом доме, она свободна”.

Теперь граф Ригельхофф стиснул зубы, задаваясь вопросом, так ли это, когда тебя кусает собака, которую ты вырастил.

“Я должен был сделать так, чтобы она умерла вслед за своей матерью в первую очередь. Я не должен был растить такую неблагодарную дворнягу, отца которой я даже не знаю!”

Эдит - не биологическая дочь графа Ригельхоффа, а дочь его младшей сестры, и он даже не знал, кто ее отец.

“Брат, пожалуйста, помоги мне! Пожалуйста!”

Его обычно хорошо воспитанная сестра стояла перед ним на коленях, умоляя и рыдая, будучи беременной.

Как он был потрясен, когда она сказала, что не знает, когда забеременела и чей это был ребенок…

Но он не мог заставить себя убить ее за то, что у нее был ребенок, поэтому отправил ее в поместье под предлогом выздоровления, а когда ребенок родился, добавил его в свой семейный реестр.

Это было возможно только потому, что его жена тоже отправилась в поместье на поправку, и он был вынужден сделать это ради семейной чести, но ему это не нравилось с самого начала.

‘Та женщина умерла, как только родила. Тск.’

Его сестра, которая умоляла сохранить ей жизнь, родив ребенка, безостановочно истекала кровью и в конце концов вскоре после этого умерла.

"Мне следовало выбросить Эдит, когда гадалка сказала, что быть в родстве с ребенком, убившим свою мать, - плохая примета’.

Если бы только Анаис была здорова...!

Его жена, Анаис Ригельхофф, была красивой женщиной, но она была слаба и не могла рожать детей после рождения Шейна.

Было облегчением видеть от нее наследника, но было немного тревожно иметь только одного сына в благородной семье.

Поэтому он держал Эдит как домашнюю собаку, надеясь, что однажды она пригодится.

“Я дал тебе то, чего ты не заслуживала, вырастил тебя как дочь графа, а потом ты неблагодарно предала свою семью?” - Граф Ригельхофф сжал кулаки и задрожал.

В этот момент София, горничная, которая до этого молчала, заговорила: “Милорд. Я пойду и расправлюсь с мисс Эдит”.

Взгляды графа Ригельхоффа и Шейна обратились к ней.

Это был вопрос, который она уже обсуждала с Шейном, поэтому у нее не было никаких сомнений по этому поводу.

“Я уверена, что юная леди еще не знает о своем положении, но я разъясню ей, что она не может покинуть Ригельхоффов, даже если она Людвиг”.

“Людвиги могут причинить тебе вред, но ты уверена, что не возражаешь?”

Граф Ригельхофф задал вопрос, который он никогда не задавал Эдит.

“Нет ничего, чего бы я не сделала для вас и Шейна”.

София улыбнулась, и граф Ригельхофф кивнул.

“Ты намного лучше Эдит, тогда иди, образумь ее и шпионь за Людвигами”.

Шейн спросил: “Что, если "дисциплина" Софии не приведет ее в чувство, и она настучит Людвигам?”

Но у графа Ригельхоффа была другая идея. “Если бы она разболтала о своем положении, слухи уже распространились бы в социальном мире. Она глупая стерва, но она знает свое положение. Как ты думаешь, Людвиги оставили бы ее себе, если бы знали, что ее бросила семья?”

“Ну, я полагаю, они бы этого не сделали”.

“Но у тебя всегда должен быть запасной план”.

Граф ухмыльнулся и повернулся к Софии: “София, если все остальное не поможет, я предлагаю таинственно убить Эдит, предпочтительно Киллианом Людвигом”.

“Да, мой господин”.

София продемонстрировала ослепительную улыбку, которую она никогда не показывала в присутствии Эдит.

http://tl.rulate.ru/book/106397/3829754